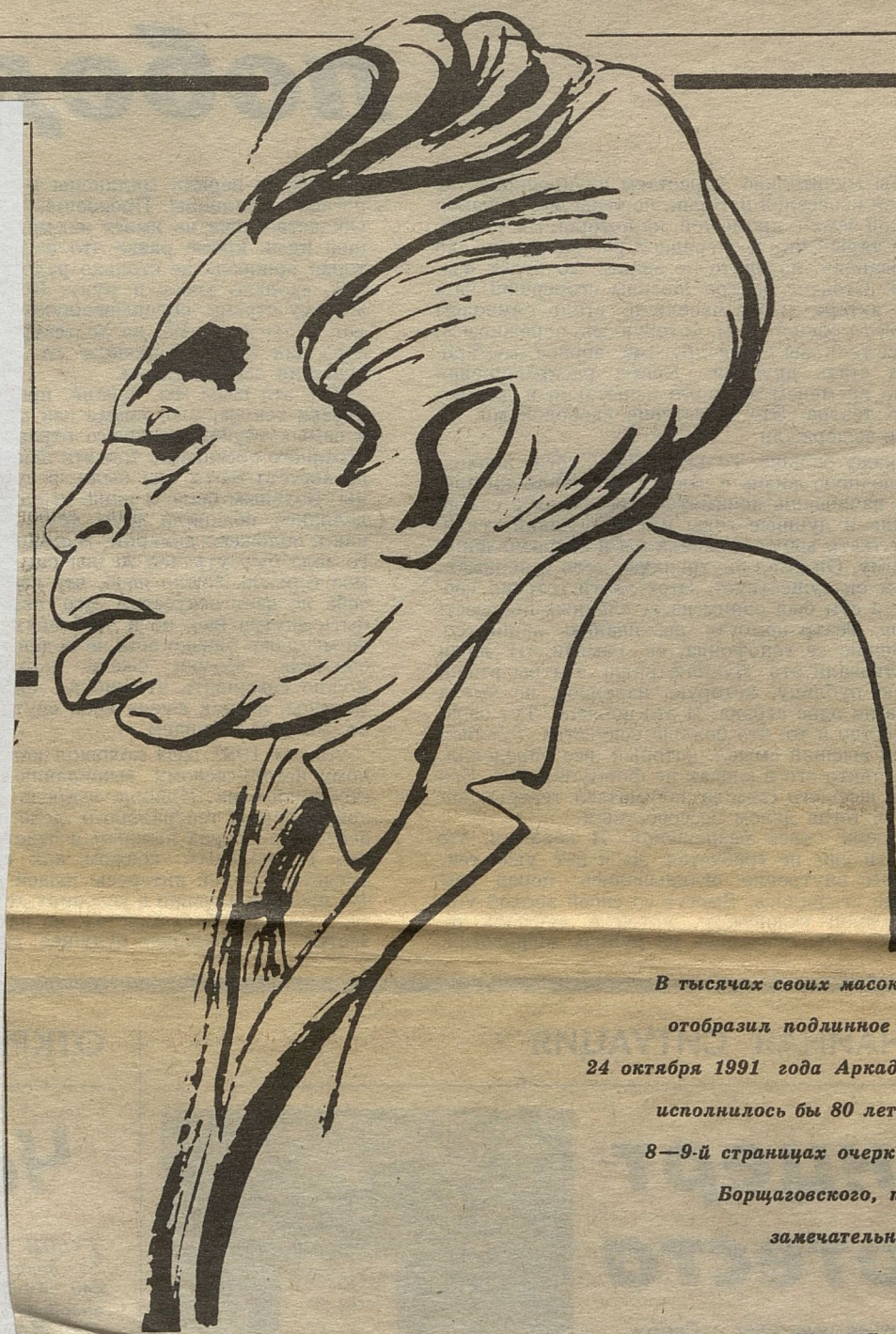

43 (95) • 1991

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ЭКРАН И СЦЕНА

24 октября - с. 1, 8-9

В тысячах своих масок этот артист
отобразил подлинное лицо эпохи.
24 октября 1991 года Аркадию Райкину
исполнилось бы 80 лет. Читайте на
8—9-й страницах очерк Александра
Борщаговского, посвященный
замечательному мастеру.

Шарж Д. Обозненко.

Райкин А.

24.10.91

24 октября
 Аркадию Исааковичу
 Райкину
 исполнилось бы
 80 лет

Его сатира была самой смелой, но и самой доброй

Умирал Борис Ямпольский.

В одиночной палате, куда его удалось определить заботами горевашего Евгения Евтушенко, день за днем бывали трое — близкий друг Бориса писатель Илья Константиновский, Юрий Трифонов, читавший прозу Ямпольского, и я — его земляк и товарищ.

В дом творчества Переделькино я возвращался из Москвы поздно, и на заснеженном крыльце, у массивных колонн здания ждали люди: литераторы, коллеги, некогда сокурсники Бориса по Литературному институту, тогда уже в рукописи прочитавшие все Ямпольского, на десятилетия закрытого от читателей.

Ждали чуда.

В свободные от концертов вечера среди ждавших неизменно бывал Аркадий Райкин. Стоял напряженно и, будто сторонясь неизбежной череды вопросов, сочувственных возгласов, старался угадать, прежде чем услышать.

Именно Райкин, прочитавший тогда уже всякую страницу Ямпольского, обратил мое внимание, как фатально напоминает ход его болезни о том, что раньше вы-

пало на долю Василия Гроссмана и что так пронзительно описал Борис в трагическом эссе, Гроссману посвященном.

Наступил черный день, последний день, когда еще можно было увидеть Бориса. И я возвратился в Переделькино в таком состоянии, что и спрашивать о чем-либо не было нужды.

Аркадий Исаакович обратился ко мне с неожиданной просьбой: прослушать текст нового эстрадного спектакля, текст крайне для него важный, так как кинорежиссер Х предлагает снять по этой программе кинофильм, и к завтрашнему дню ждет ответа. (Надо сказать, что ни один из фильмов «по Райкину» не принес ему полного удовлетворения, тайну его творчества невозможно вполне постичь и передать средствами другого искусства).

Он увел меня к себе в большую комнату коттеджа. Как и Ямпольский, Райкин никогда не сидел в главном каменном корпусе с колоннами. Оба искали в коттеджах уединения, но разного. Борис — тесноватого, на взгляд даже уютного, этакое безалаберное лого-

ва, Райкин всегда просил комнату побольше, этакую релаксационную.

И началось незабываемое действо, возвращавшее меня к смеху и к улыбке: моноспектакль, конечно же, подаренный мне дружески, безо всякой практической для Райкина нужды. Настоящее пиришество таланта, праздник неповторимой райкинской изобразительности, которой для полноты выражения не нужны ни декорации, ни привычные для сцены аксессуары. Был художник, мастер, а в нем самом целостный и самодостаточный мир. Ему в этот вечер не нужны были мои советы, напротив, он хотел помочь мне сбросить с себя непомерную тяжесть.

Я позволил себе начать эти заметки в светлый день 80-летия Райкина словами печали, потому что давно и, увы, тщетно, как и другие писавшие о Райкине, стараюсь проникнуть в святая святых художника, постичь масштаб его личности. Казалось бы, что мудрить перед внутренним взором вся жизнь артиста, во всяком случае, вся его жизнь на эстраде, начиная с лета 1939 года. Память наша хранит такое множество фигур, образов, характеров, масок, типов, сюжетов, что впору

Фотографии из семейного архива специально для «ЭС» любезно предоставлены Екатериной Райкиной.

потеряться перед их обилием. В августе или в начале сентября 1939 года театральный Киев открыл для себя не просто неведомый до того талант, но художника, принесшего на эстраду такую мощную веяние новизны, такое соединение артистизма, ума, человечности, которых наша сверх меры воинственная эстрада как-то чуралась, словно опасаясь потерять так высоко ценимую тогда божественность.

Не скажу дурного обо всей эстраде тех лет, о конференциях и мастерах «разговорного» жанра. На эстраде подвизались не только ремесленники типа Амурского, не только «трибуны» и до хрипоты голосившие агитаторы, подобные Набатову, державшему под немигловидным прицелом премьер-министров и президентов всего мира, но и такие артисты, как Смирнов-Сокольский или Хенкин.

И все же всякое время ждет и ищет, порой слепо, неосмысленно, новизны. Время взыскует таких черт и потенций, которые не рвут с прошлым, однако обещают свободное, независимое вдохновение, движение вперед.

Изнурительно-жаркое лето тридцать девятого года заставило киевские каштаны рано сбрасывать коричневые гляцевые плоды, за которыми не наклонится к траве или к асфальту разве что недужный старик. Но два самых поразительных, темных, огромных и сверкающих, дарующих доброту и радушие «каштана» смотрели на нас с подмостков, когда на них появлялся молодой Райкин, Райкин тридцать девятого года. Эстраде оказалась совсем не чужда напряженность и доброта и не чуждо то простодушие, полное простодушие, за которым столь же полное доверие артиста к зрителю. Мы легко воспринимали это простодушие в искусстве мимов, в их замкнутом и нивелированном пространстве, но так уж повелось, что сценическое слово, хитрое, содержательное слово, словно бы само по себе исключает избыток простодушия.

Молодой мастер Райкин, виртуозно владевший словом, едва появившись на эстраде, щедро посулил нам спасительную новизну и новую содержательность эстрады как искусства. Трудно было тогда же, до войны, сказать, как именно будет развиваться это искусство и каким окажется вклад Аркадия Райкина, но несомненно было, что суждено ему многое. Быть может, больше, чем кому-либо из талантов, наших и мировых, на эстрадных подмостках.

Сегодня мы вправе приблизиться к ответу. Более то-

го, именно сегодня поиски ответа имеют для нас особое значение, выходящее за пределы искусства. Обществу устало от почти механической, критической бесшабашности, от карканья целых ансамблей Кассандр, от непризнания того, что чем более опасно и бездонно болото, тем важнее без промедления протянуть спасительную руку тому, кто уже уязв по колено, бросить тонущему не упрек, пусть и справедливый, а спасательный круг.

Сатира Райкина была и самая смелая, разящая, и самая добрая, как ни странно может звучать такое соединение. Об отягче и бесстрашии райкинской сатиры есть сотни свидетельств. Это снятые и запрещенные программы, искалеченные цензурой сюжеты, которым были отданы месяцы труда, мечты и упования. Это из года в год гонения на Райкина всемогущего владыки Ленинграда Романова, клевета, слухи, преследования, так рано отнявшие у художника здоровье, физически обессилившие его сердце. Но у доброты, особой райкинской доброты, так окрашенной горечью, печалью и даже скорбью, есть доказательство посильнее. Поклонение зрителей, почтение и уважение, выходявшие, я бы сказал, за всякие рамки и привычные границы. Почтение, обернувшееся пожизненной любовью и благодарной памятью.

Райкин на сцене избегал назиданий, менторства, но кто скажет, что на его спектаклях, смеясь и радуясь, мы не проходили и важных нравственных уроков? Кто из совестливых зрителей, уходя с этих спектаклей, не открывал в себе щемящего желания сделаться лучше и отзывчивее, пристальнее к миру? Не беспощаднее, а лучше.

Скажу без юбилейного преувеличения: в известном смысле наша современная эстрада вышла «из Райкина». Это не только те, кому посчастливилось работать с ним, наблюдать его труд, брать у него первые уроки или писать для него в начале своего пути. Разве, радуясь самоотверженному искусству Хазанова, его яркой индивидуальности и мастерству, мы не почувствуем его духовной близости к Райкину и, может быть, прежде всего во всегда сохраняющейся на доньшке души печали и горечи о несовершенстве мира, о том, что люди могли бы жить иначе? Разве и в дерзновенном творчестве Жванецкого, лишенном и тени подражательности, не звучит порой и та музыка, что была услышана мастером Жванецким в молодую пору преклонения перед Райкиным и первых попыток писать для него?

И самые талантливые из писателей-сатириков, чуждых штампов и стереотипов, — Александр Хазин и Жванецкий, Лиходеев и Мишин — на разных этапах приходили к Райкину, становились его авторами.

Когда-то Михаил Ульянов так охарактеризовал созданный Райкиным образ бессмертного Груффальдино: «Справедливый добряк, наделенный чувством юмора весело, с открытым забралом смотрящий на мир и вскрывающий всегда, чтобы ободрил человека, вселить в него радость и надежду».

Эти слова я без колебания отношу к рыцарской натуре самого Райкина — человека и художника, к его прекрасному доминиканскому податку жизни.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ.

● Аркадий Райкин с женой — Руфью Марковной Ромой и детьми — Екатериной и Константином.

